

Одно из положений закона запрещает оставлять детей в возрасте до 12 лет без присмотра взрослых более чем на полчаса. Если ребенок находится дома один, то социальная служба по защите прав детей может лишить отца и мать их родительских прав. Кроме того, социальная служба оставляет за собой право изъять ребенка из семьи, если с ним обращаются ненадлежащим образом, ограничивают его права или наносят ему физический или психический вред. Каждый год примерно 50 детей изымаются из семей в Великобритании на каждые 10 000 человек. В то же время причинами изъятия может быть не только плохое обращение, но и чрезмерная любовь. Например, пять семей были лишены родительских прав из-за того, что их дети страдали ожирением.

Таким образом, защита прав детей на международном уровне может осуществляться в различных формах, через различные механизмы и различные органы и организации. Главной проблемой в этой области является рекомендательный характер большинства принимаемых решений и дистанция между деятельностью многих органов и реальной жизнью и реальными правами конкретных лиц.

Тем не менее, растущее внимание общественности к защите прав человека в целом и прав детей в частности является движущей силой, способной повысить эффективность существующих механизмов защиты прав человека и детей во всем мире.

***

1. О правах ребенка: Конвенция ООН от 20 ноября 1989 г.: выступила в силу для России с 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – выпуск XLVI.
2. Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: [в ред. от 21.07.2014 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - №31. - Ст. 137.
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ: [ред. от 27.12.2019] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 31. – Ст. 3802.
4. Егоров А. Конвенция о правах ребенка: итоги и перспективы // Вопросы социального обеспечения. - 2009 - № 23 - С. 5-6.
5. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации: для преподавателей и студентов юридических факультетов и вузов. - М. : Городец, 2006. - 191 с.
6. Зайцева Н. Г. Основные направления государственной социальной политики в интересах детей // Власть. - 2011 - № 4 - С. 30-33.
7. Меньшенина, Н. Н. Международное право: учебное пособие для вузов / Н. Н. Меньшенина. - М. : Издательство Юрайт, 2019. - 101 с.

Белова С.Л., Расцветаева О.А., Чапурко Т.М.
Социально - правовой анализ законодательства России и США в сфере
криминального банкротства и мошенничества

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/lj-06-2020-330

idsp: ljjournal-06-2020-330

Аннотация

Авторами в статье предлагается сравнительный анализ основных критериев квалификации криминального банкротства и мошенничества в России и США, в результате которого преступления в сфере банкротства должны быть детально дифференцированы исходя из принципиальных различий объективной стороны. Предложения авторов также направлены на расширение субъектов криминального банкротства и конструирование норм уголовного закона о криминальном банкротстве по типу формальных.

Ключевые слова: криминальное банкротство, несостоятельность (банкротство), юридическое лицо, мошенничество в банкротстве, криминальные схемы в банкротстве

Abstract

The authors of the article offer a comparative analysis of the main qualification criteria for criminal bankruptcy and fraud in Russia and the United States, as a result of which bankruptcy crimes should be differentiated in detail based on the fundamental differences of the objective side. The authors' proposals are also aimed at expanding the subjects of criminal bankruptcy and designing the norms of the criminal law on criminal bankruptcy as formal

Keywords: criminal bankruptcy, insolvency (bankruptcy), legal entity, bankruptcy fraud, criminal schemes in bankruptcy

Исторический разрыв в формировании российского законодательства о банкротстве и проводимые в 1990-е годы социально-экономические и политико-правовые реформы в России имели не только положительный (как устранение дефицита товаров), но и отрицательный эффект, и в том числе появление новых видов экономических преступлений. Но и теперь, по прошествии 20 лет в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] признается наличие высокого уровня криминальной экономики и ее коррумпированности, когда теневая экономика стала частью экономики в целом, оказывает негативное влияние на многие экономические процессы. Однако статистические данные не отражают истинной картины, поскольку недостаточна регламентация и определение четких категорийных и классифицирующих понятий, оценочных категорий для квалификации дифференцированных преступлений в сфере банкротства.

По нашему мнению, криминальное банкротство – это один из секторов теневой экономики и Орлова Л.А. относит его к специфическому виду мошенничества, завуалированному под гражданское правонарушение[2].

До и в период подготовки Уголовного кодекса Российской Федерации (1996г.)[3] действовали гражданские нормы, содержащие ряд технико - юридических ошибок, казуистичных правовых предписаний. Существенным недостатком была явно прокредиторская политика законодателя, не нацеленная на оздоровление предприятия, только на смену собственника либо на далеко необъективный раздел активов между кредиторами, что достаточно часто приводило к фактическому противоправному захвату контроля над предприятием. Нередко сами руководители применяли механизм банкротства с целью незаконной приватизации предприятия, создавая для этого фиктивную задолженность. Реализация таких криминальных схем породила целый класс новых частных собственников, как ожидалось, призванных обновить активы предприятий, освободить их от долговых обязательств, что должно было способствовать созданию новых рабочих мест, развитию малого и среднего бизнеса. Но в результате такая деятельность привела к разорению промышленного комплекса, спаду производства и сокращению рабочих мест.

В современных социально-экономических и политико-правовых условиях действующее уголовное законодательство формулирует составы криминального банкротства за фиктивное и преднамеренное банкротство, а также за незаконные действия при банкротстве (статьи 195 - 197 УК РФ) по типу материальных, имеющих «бланкетный» характер, что в правоприменительной практике ведет к негативным процессуальным последствиям, поскольку проблематично установить причинно-следственную связь между наступлением имущественного ущерба и действиями, которые законодательно в УК РФ четко не квалифицированы и не дифференцированы в условиях активного социально - экономического роста страны. Дискуссионным в правоприменительной практике остается вопрос разграничения преступлений,

связанных с криминальным банкротством и с квалификацией мошенничества. Мошенничество предполагает причинение прямого ущерба имуществу собственника, но статьи криминального банкротства указывают на возникновение ущерба кредиторам, которые имеют только обязательственное право требования определенной доли имущества должника, при этом право собственности на имущество должника у них отсутствует. Также ущерб возникает ввиду уменьшения имущественной массы должника, упущенной выгоды, в виде утраченных долей кредиторов, в уменьшении налоговой базы и т.д. – иными словами, любое корыстное извлечение субъектом преступления материальных выгод для себя или других лиц. На практике фиктивные и незаконные сделки уже имеют более или менее сформировавшиеся критерии для квалификации.

В отличие от российской правовой модели регулирования «криминального банкротства» в зарубежных странах действующие средства регулирования – это исторически сложившиеся, естественным образом сформулированные – продукты многовековой судебной практики. В основном все виды моделей банкротства можно разделить на а) продолжниковые и б) прокредиторские. И большинство стран занимает промежуточную позицию между соотношением (балансом) между степенью ущемления интересов кредиторов и сохранением действующих предприятия.

Так, в законодательстве о банкротстве США (продолжниковом) сформулирован принцип, согласно которому каждому после финансового краха должна быть предоставлена возможность осуществить так называемый «fresh start», т.е. начать заново, «с чистого листа» свою профессиональную деятельность, бизнес[4]. Правовая модель США, регламентирующая конкурсное производство, в целом базируется на решении макро-экономических задач по обеспечению стабильности и устойчивого роста экономики и задач по созданию эффективных механизмов распределения активов должника. В законодательстве США отмечается особенность признание судебного прецедента как основного источника права, сложившаяся дуалистическая система, выражающаяся во взаимодействии прецедентного права со статутным (законодательным), тем не менее, законодательство имеет существенный вес.

На федеральном уровне отношения банкротства регулируются Кодексом о банкротстве (1978г.) и Конкурсное законодательство США носит продолжительный характер, направлено на восстановление финансового состояния должника и его реабилитацию[5]. Уголовное законодательство о банкротстве содержится в разделе 11 Кодекса о банкротстве, в главе 9 раздела 18 Свода Законов США (состоит из 7 параграфов (151-157))[6] достаточно детально регламентирующих составы криминального банкротства. Субъектом преступления может быть не только физическое лицо, но и корпорации, что существенно отличается от отечественного законодательства. Наказание предусмотрено достаточно суровое – лишение свободы сроком до пяти лет и штраф.

Самостоятельным составом законодатель США выделяет соглашение одной стороны с другой по управлению доходами, преступление характеризуется иницированием процедуры банкротства (ст. 155 раздел 18 СЗ США). Положение данной нормы в настоящее время стало дискуссионным в российской юридической науке, поскольку инициаторами предлагается ввести аналогичную норму в отечественный уголовный закон в отношении арбитражных управляющих, достаточно часто злоупотребляющих своими должностными обязанностями [7].

Также интерес для отечественной юридической науки вызывает параграф 157 раздела 18 СЗ США, который предусматривает уголовную ответственность за мошенничество при банкротстве [9]. По сути, это положение о фиктивном банкротстве с разработкой схемы ряда мошеннических действий, включающей широкий перечень действий в процессе банкротства, а также использование процедур банкротства для более крупных криминальных схем.

Еще одной особенностью является дополнительные средства обеспечения законности при процедуре банкротства: штраф и судебный запрет в отношении лиц, которые небрежно относятся к своим обязанностям при возбуждении процедуры банкротства или в ее процессе, отказываются предоставлять необходимые сведения – в результате чего наказание может быть назначено как за умышленное, так и за неосторожное деяние, нарушающее положение Кодекса о банкротстве США. Кроме этого, важной особенностью является формальная конструкция исследуемых составов преступлений, т.е. ответственность наступает независимо от того наступили ли негативные последствия, что принципиально отличается от норм российского законодательства в сфере криминального банкротства. Еще одной важной особенностью исследованного зарубежного законодательства является широкий круг субъектов преступления, в том числе к субъектам отнесено и юридическое лицо, что, по мнению авторов, является обоснованным и подлежащим к заимствованию.

Российское законодательство начало регламентировать ответственность за криминальное банкротство только в Уголовном кодексе РФ (1996г.) статьями 195 – 197, которые до сих пор носят бланкетный характер - диспозиции норм не содержат легального толкование терминов и понятий, в результате чего правоприменитель вынужден обращаться к положениям законодательства о несостоятельности (банкротства) и Гражданский кодекс РФ, которое далеко не всегда дает четкое понимание разграничения гражданской и уголовной ответственности, более того содержит противоречия между содержанием признаков составов криминальных банкротств и норм гражданского законодательства.

Вместе с этим, важным профилактическим средством любого экономического преступления однозначно является наказание в виде конфискации имущества, добытого преступным путем. Данная же мера наказания (статья 52 УК РФ) необоснованно исключена законодателем 08 декабря 2003 года из практики применения уголовного закона и введена 27 июня 2006 года в виде Главы 15/1 «Конфискация имущества», но до сих пор не сформировав практику применения.

В целом, преступления в сфере экономики, искажают механизмы конкуренции, ущемляют имущественные права, приводят к неэффективному использованию бюджетных средств и необоснованному повышению цен, сводят на нет принцип свободы экономической деятельности, все это в результате провоцирует рост теневой экономики, сдерживает поступление прямых иностранных инвестиций в российскую экономику при одновременном высоком показателе вывода капитала за рубеж.

***

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2017. 15.05.
2. Орлова Л.А. Криминальное банкротство – сектор теневой экономики // Пробелы в российском законодательстве. № 4, 2018.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. 07.04.2020г.) // СПС КонсультантПлюс. 2020.
4. Boshkoff D. G. Fresh Start, False Start, or Heard Start?//Indiana Law Journal. 1995. Vol.70.Iss. 2. P. 549-568.
5. Королев В.В. Ответственность за криминальные банкротства в праве США и России: сравнительно-правовой аспект: дис. ... к. ю. н. -Нижний Новгород. 2008. С. 33.
6. Свод законов США, ответственность за преступления в сфере банкротства [Элек-тронный ресурс]: Legal Information Institute - URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/html/uscode18/usc_sup_01_18_10_I_20_9.html
7. Туров Д.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере несостоятельности (банкротства): автореф. дис. к. ю. н. -Краснодар, 2008. С.43.
8. Морозов В. И., Цыганков С. Л. Особенности уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства в зарубежных странах // Юридическая наука и правоохранительная практика. Вып. № 2 (16). 2011.